

ЛИЦО НЕДЕЛИ

Я теперь — «Михалыч»

И. Лососцев

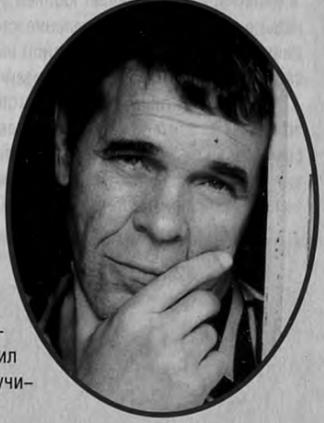
Алексей Булдаков

«Все было удивительно просто. Никакого бурного романа, страсти... Очень скоро возникло ощущение, что мы знакомы сто лет и давно уже семья...»

— М

ы жили на Алтае. Отец всю жизнь был шофером, мать занималась детьми, а нас у нее пятеро — три сына и две дочери. До восьмого класса я мечтал стать летчиком. Но когда учился в восьмом классе, посмотрел фильм «Большая жизнь», и меня совершенно потряс Петр Алейников. Из кинотеатра я вышел уже с другой мечтой — стать артистом. Позже закончил драматическую студию на базе театрального училища при павлодарском драмтеатре.

— Никогда не жалели о своем выборе?
— Это было. Я даже оставил томский театр, где тогда играл. Показалось, что актерская профессия не дает мне никакого удовлетворения. Молодой еще был, двадцать три года. Взял и уехал домой. Устроился на тракторный завод, в обрубочный цех, — обрабатывать отличный металл. По шестнадцать тонн за смену. Уставал, конечно, но это была усталость, смешанная с чувством удовлетворения. А однажды еду я после смены домой в автобусе и вдруг ощущаю запах театральной пыли... А она ведь особенная, театральная пыль, — запах кулис и пола с гвоздями. Казалось бы, откуда в автобусе-то?! Через три месяца собрал вещи и в Москву, на актерскую биржу. Оттуда попал в карагандинский театр, где даже чуть звание не получил. Но что-то опять со мной случилось. Рванул вслед за приятелями в Рязань. Там и получил предложение от режиссера Леонида Макарычева сняться в картине для юношества «Сквозь огонь». Я к кино обратился поздно, в тридцать лет. И когда впервые увидел отснятый материал, пришел в ужас. Со

«Ща как спюю!»

мной была настоящая истерика! Казалось, что я абсолютно бездарен. И потом долго не мог смотреть на себя на экране. Но тем не менее пошло. Сейчас у меня более шестидесяти киноролей.

— И половина из них, кажется, главные?
— Да, наверное. Я люблю «Небывальщину» — картину очень необычной стилистики, «Белые одежды» — здесь, пожалуй, я сыграл личность, наиболее отстоящую от меня самого, человека совершенно другого склада, «Вот моя деревня», «Кому на Руси жить...», «В лесах под Ковелем».

— Алексей Иванович, а была ли такая роль, сыграв которую, вы сказали, что этот персонаж почти что вы сами?
— Пожалуй, еще не было. Моментами в картине «Кому на Руси жить...», в какой-то степени в «Особенностях национальной охоты»...

— После роли Михалыча из «Особенностей...» на вас обрушилась популярность, но не оказал ли вам этот генерал и медвежьей услуги? Я предполагаю, что после этого фильма на вас обрушился и целый шквал идентичных предложений.
— Вы правы. Но ведь от этого никуда не денешься. Анатолий Кузнецов для зрителей пожизненно в первую очередь — Сухов, Александр Демьяненко — Шурик. Я теперь — Михалыч... И нигде мне не работалось так легко, как в «Особенностях...». Впрочем, были и сложности. Главная заключалась в том, что снимали мы в сентябре-октябре, было безумно холодно. Жили в пионерском лагере, корпуса, естественно, не отапливались, и мне приходилось оставлять обогреватель в комнате на весь день. Вообще, холод всегда преследует меня на съемочной площадке. Каждый третий фильм — купание, и именно осенью. Помню, в первой картине лежу в кадре — в гробу при двадцатипятиградусном морозе. Деревья скрипят. Лежу в белой рубашке, костюмчике, цветочками обложенный, а изо рта и ноздрей пар валит... Прорепетировали второй раз, замерили по секундомеру длину сцены — сорок секунд. Лежу, затаив дыхание. А ведь когда задерживаешь дыхание, повышается давление, происходит прилив крови к лицу, и теперь я начинаю краснеть прямо в кадре. В общем, наложив килограмм грима на мое лицо, отсняли с грехом пополам.

А на съемках «Особенностей...» купается мой генерал якобы после баньки. Ну, скажу я вам, я чуть не околел. Сняли. Влетел после дубля назад в дряхлую баньку и сел в таз с горячей водой — только это и спасло. А в картине «Хлеб — имя существительное» мне вообще пришлось купаться в октябре. Вода была плюс восемь градусов.

«Душа чего-то просит...»

«Есть я и ты...»

«Особенности национальной охоты»

Чтобы не простыл, растерли спиртом, ну и выпить тоже дали... Нырнул и на втором взмахе был уже трезвый. Да еще в шароварах запутался, чувствую, сейчас мне ноги судорогой сведет и — хана! Скинул их কোкак с себя, так и уплыли мои шаровары вниз по течению. А я все-таки заболел.

— Вот опять наступила осень. Что вам предстоит теперь?

— Я начал сниматься в десятисерийной картине у Игоря Масленникова, играю русского мафиози. Это такой иронический детектив. Думаю, что будет интересно. Но хотелось бы в кино сыграть любовь.

— Как бы вы определили свой характер?

— Я терпеливый. Иногда замкнутый. Люблю одиночество, а временами просто нуждаюсь в нем. Особенно, когда работаю над ролью.

— Есть ли что-то, что вам в себе не нравится?

— На меня иногда нападает какая-то чудовищная лень, хотя я очень люблю физическую работу, но бывает — с места двинуться не могу. Лежу... Заставляю себя взять в руки роль. Читаю и чувствую, что меня в ней совершенно ничего не трогает, что я, как гитара без струн, как деревянный ящик.

— Кто вам помогает преодолевать подобные настроения?

— Жена, конечно. Мы с Людой живем недавно. Она чуть-чуть постарше меня. Детьми пока не обзавелись.

— Но намереваетесь?

— Сделаем! Людмила закончила институт иностранных языков, прекрасно владеет французским и испанским, но сейчас она — домохозяйка. Познакомились мы благодаря нашим общим друзьям у меня на дне рождения, уже здесь, в Москве. Жена моего друга, Володи Новикова, позвонила своей подруге: «Люда, приезжай к нам в гости». Она долго отказывалась, говорила, что зарядила стиральную машину. Но все вместе мы все же уговорили «незнакомку» приехать. А перед этим по телевизору прошла картина «Тихое следствие», где я играл следователя. И я ей там понравился. Потом говорит: «Приезжаю, а там ты сидишь...». Все было удивительно просто. Никакого бурного романа, страсти... Очень скоро возникло ощущение, что мы знакомы сто лет и давно уже семья...

— Сейчас вам удалось благоустроить свой быт?
— Да. Но если бы я работал только в театре, у меня бы никогда этого не получилось. Сейчас строю дачу — скромный домик, не люблю помпезности, да и материал нынче дорогой. Москва своими безумными расстояниями заставила сесть за руль — еду на «Волге». К сожалению, в связи с моими многочисленными поездками библиотека моя разлетелась.

Раньше всякое было. Я много пожил в общагах. На вокзалах ночевал. Да было и такое, что на метро пятака не было... Но зато за те годы, когда жил один, я научился, как говорят, хорошо готовить. Иногда даже думаю, что в Москву следовало еще раньше прие-

